

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ СПОР (К ИТОГАМ XVI ЛЕОНТЬЕВСКИХ ЧТЕНИЙ)

В Санкт-Петербурге Международный центр социально-экономических исследований “Леонтьевский Центр” регулярно проводит ежегодные научные конференции под брендом “Леонтьевские чтения”. Тематика этих чтений давно отошла от узкоэкономических тем и их фирменным стилем стала междисциплинарность. Об этом могут свидетельствовать такие названия, как “Экономика и история”, “Экономическая теория и политология”. XVI “Леонтьевские чтения” проходили в год столетия двух революций – Февральской и Октябрьской. И разговор, естественно, состоялся об исторических путях развития России. Само название чтений “Россия 1917–2017: европейская модернизация или особый путь?” предполагало дискуссионность обсуждения. Так оно и получилось.

Убедиться в этом помогут публикуемые ниже четыре статьи, подготовленные докладчиками по проблематике состоявшихся выступлений и отразившие две основные ветви полемики. Автор первой статьи А. Заостровцев, представлявший на конференции ее хозяев – “Леонтьевский Центр”, – обосновывал тезис об “особом пути” России как страны, которая не обладает необходимой правовой культурой и вовсе не идет по пути к светлому будущему в виде свободного рынка и конституционной демократии. Она исторически сложилась как антагонист того, что подразумевается под так называемой европейской цивилизацией, и сугубо авторитарна. Это делает маловероятным в обозримой перспективе успешную модернизацию и переход к открытому обществу.

С таким подходом не согласился А. Оболонский (НИУ ВШЭ), видящий в “особом пути” не столько реальность, сколько попытку идеологического оправдания авторитарного режима. Отсюда следует постановка вопроса о мифологии особого пути. Вторым критиком Заостровцева стал В. Тамбовцев (МГУ), который сосредоточил внимание на культуре как факторе модернизации. Российская социальная культура, подчеркивал он, разнопланова, а потому научных оснований говорить о том, работает она на модернизацию, против нее или же нейтральна – нет.

Но есть и другая позиция. П. Ореховский (ИЭ РАН) не разделяет оптимизма относительно модернизации и пишет о неизбежности очередного провала дискурса о ней, который в реальности никакого отношения к теории модернизации не имеет. Современные российские нарративы о модернизации – просто выражения своего отношения к власти и различным социальным ролям.

Представленные здесь статьи отражают различные позиции по вопросу об институтах российского общества, его историческом пути и перспективах, а также об его отношении к модернизации. С ними интересно познакомиться, но наивно было бы надеяться, что кто-то из участников “Леонтьевских чтений” смог бы дать устраивающий всех ответ на поставленный в заголовке конференции вопрос. Надо полагать, он остается открытым и будет таким еще неопределенно долгое время.

А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ

Матрица Московии и ее реинкарнации: как реальность опровергает благие пожелания

В статье исследуются главные характеристики институционального устройства России: их происхождение и современные особенности. Обращается внимание на два противоположных подхода: Россия рассматривается как страна или движущаяся в общем потоке модернизации, или идущая по особому пути и противостоящая институтам правовых государств.

Заостровцев Андрей Павлович – кандидат экономических наук, профессор департамента государственного администрирования Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”; старший научный сотрудник Международного центра социально-экономических исследований “Леонтьевский Центр” (Санкт-Петербург). Адрес: 198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17. E-mail: azaostrovsev@hse.ru

Столкновения Московии и Великого княжества Литовского в прошлом интерпретированы как борьба двух несовместимых цивилизационных начал: азиатского (государственного) способа производства и правового общества. Выделяются шесть главных качеств институционального ядра (матрицы Московии) в настоящее время, а также роль культуры как неформального института с его определяющим влиянием на путь развития и перспективы стран.

Ключевые слова: матрицы Московии, институциональное ядро, правовая культура, постаршая культура, ментальные модели, традиционное общество современного типа, самовластье, власть-собственность, служилое государство, сословное общество, административная рента.

“И как бы ни пытались бывшие соцграждане
построить гражданское общество, получится у них
либо социализм, либо фашизм. Иного не дано”

С. Кордонский

Универсалисты и особисты

По большому счету, всех пишущих на тему “судеб России” можно разделить на два больших лагеря: универсалистов и особистов. Первые так или иначе исходят из теории модернизации, которая гласит: все человечество неизбежно (рано или поздно) отбросит традиционализм, достигнет некоего единства на почве признания универсальных (общечеловеческих) ценностей и станет следовать им. Причем эти ценности оказываются отражением институтов правовой цивилизации, которую привычно называют Запад¹.

Однако XXI в. заставил сомневаться в наличии общего для всего человечества вектора социальных изменений. Во-первых, Китай не стал следовать теориям о связи между социально-экономическим развитием и устремленностью к демократии². Сегодня уже достаточно очевидно, что он много лет идет “своим путем” и вероятность того, что он с него свернет, в обозримой перспективе явно невысока. Во-вторых, Россия ко второму десятилетию XXI в. довольно четко обозначила себя как антисистема по отношению к Западу: отвергла модель правовой цивилизации и воспроизвела свою традиционную социальную систему в новой модификации. В-третьих, мусульманская цивилизация не только не вышла из архаики (на что надеялись некоторые оптимисты в период “арабской весны”), но только еще глубже стала в нее проваливаться. Если в XX в. наиболее наглядным примером был Иран, то ныне мы сталкиваемся с активным строительством автократического режима и клерикализацией вроде бы в куда более продвинутой в направлении модернизации Турции.

Любопытные явления наблюдаются и в Европе. После вступления в ЕС Венгрия фактически перестала быть демократическим государством. И тот факт, что она еще признается в таком качестве в международных рейтингах, отражает, скорее, не объективную реальность, а страх заглянуть правде в глаза. В чем-то похожая ситуация сложилась в последнее время и в Польше.

И проблема здесь не только в перечисленных регионах планеты и странах. Путеводная звезда Запада стала меркнуть в результате собственного перерождения из

¹ В понимании понятия “правовой” я буду придерживаться либертарной теории права, развиваемой в России В. Четверниним [Четвернин 2014, с. 178].

² О различных попытках с помощью статистического анализа выявить связи между теми или иными параметрами социально-экономического развития и демократией см. [Дойч, Вухерпфеннинг 2012]. Выскажу непопулярную точку зрения: главная ошибка всех проведенных и ведущихся в этом направлении исследований не в упущениях в области применения статистических методов, а гораздо глубже – в полном игнорировании принципиальных расхождений национальных культур и соответствующих им культурно-антропологических типов людей.

динамичного общества в застойное, поскольку так называемый постмодерн стал разрушать подлинно либеральный порядок (в классическом его понимании). Культ дезориентирующего лицемерия в форме политкорректности, диктат зеленых и прочих разрушительных для экономического роста влиятельных движений, социальное иждивенчество под покровом государства благосостояния — все это сделало Запад весьма уязвимым, не способным дать очевидный решительный ответ на новые вызовы (пример — плохо контролируемая миграция из стран с чуждым ему культурно-антропологическим типом населения).

И если еще какие-то 20 лет назад модернизаторы точно знали ответ на вопрос куда идти (достаточно было указать на Запад) то теперь его образ, мягко говоря, несколько померк. Другого же ответа у них нет и не может быть. Тем не менее кризис Запада не означает, что “особые пути” лучше. И тут подчеркну, что среди теоретиков существуют два вида “особистов”. Первые в той или иной форме и степени превозносят особый путь как некий самый светлый путь если не для всего человечества, то для страны или региона. Неспособность выстроить правовой порядок рассматривается как превосходство, как некая более эффективная альтернатива этому порядку. И критика теорий особого пути со стороны модернизаторов оправдана, когда она направлена против такого рода нормативных его трактовок, выражаемых в двух словах: “мы — лучшие”.

Но есть и “особисты” другого рода. Они сравнительно немногочисленны и отличаются от первых тем, что не видят в альтернативных Западу цивилизациях неких высших по отношению к нему порядков, способных обеспечить достижение новых рубежей прогресса. Напротив, они описывают особые пути как несостоятельные с точки зрения решения этой задачи. Более того, бывает, что в них видят и просто тупиковые ветви эволюции социальных систем (А. Пелипенко)³. С позиции же модернизаторов такого просто не может быть. Отсюда видение мира как “игры в догонялки” и деление стран на передовиков и отстающих по времени⁴.

На самом деле мир устроен куда как сложнее. Альтернативные Западу цивилизации не догоняют его, а двигаются разными с ним путями, иногда сближаясь, а иногда — удаляясь от него, вплоть до возникновения острых фаз противостояния. Они способны имплантировать некоторые его институты, необходимые для развития, но лишь в той мере, в какой они не превращают свои общественные системы в собственные противоположности. Китай тут самый убедительный пример.

Исключения из этого правила, конечно же, имеются — Япония, Южная Корея и Тайвань. Однако не забудем, говоря языком экономистов, про сильнейшие экзогенные шоки, которые испытали эти страны. Россия через такого рода шоки не проходила: она никогда тотально не проигрывала Западу войны и не делилась на многими годами агрессивно противостоящие друг другу части. В результате она веками сохраняет свое институциональное ядро (цивилизационную основу), которое стало модно именовать различными матрицами.

Согласно определению, данному О. Шкаратаном, “матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся взаимосвязанная функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций” [Шкаратан 2015, с. 19]. Похожим понятием оперируют и известные современные теоретики австрийской школы П. Беттке и Ч. Койн, обозначая матрицу или институциональное ядро греческим словом “метис”. У них метис включает “умения, культуру, нормы и соглашения, сформированные из опыта индивидов” [Coyne, Boettke 2006, p. 54]. Моя задача состоит в выявлении исторических корней русского метиса.

³ Удивительно совпадение видения одного из наиболее пессимистичных “особистов” с эволюционировавшим в сторону пессимизма известного “модернизатора”: “Историческая судьба России, несмотря на то, что мы — страна христианская, напоминает, скорее, судьбу исламского мира” [Травин 2015, с. 167].

⁴ Авторство этого словосочетания принадлежит Д. Травину и О. Маргания [Травин, Маргания 2004, с. 18–124].

Москва vs Великое княжество Литовское: столкновение цивилизаций?

Для понимания природы институциональной матрицы современной России крайне важен один исторический сюжет. Прежде всего подчеркну: матрица Московии — одна из составляющих Золотой Орды. Теория ордынского начала Московии известна давно, но последнее время набирает популярность (см., например, [Нуреев, Латов 2016, с. 54–55; Кантор 2007, с. 125–126]). С ослаблением Орды Московия обрела собственную силу и шла на истинную Русь (Новгород, Псков и Великое княжество Литовское)⁵, неся на эти территории свои порядки.

Развернувшаяся институциональная конкуренция, в конечном счете, закончилась, как известно, победой Востока над Западом или, говоря терминами В. Четвернина, культура потестарного типа взяла вверх над правовой. В процессе этого противостояния Московия превратилась в империю, которая во второй половине XVIII в. подхватила микроб свободы у своего соперника (имеется в виду объявленная вольность российского дворянства), но гены азиатского способа производства продолжали жить в авторитарном имперском порядке и крепостном праве, а после отмены последнего сохранились в крестьянской общине.

Победа Востока не была связана с превосходством институтов азиатского (государственного) способа производства в плане обеспечения экономического развития: уровень жизни населения (особенно городского), деловой жизни и культуры был в ВКЛ гораздо выше. Однако тоталитарные машины всегда могли мобилизовать все имеющиеся ресурсы на цели войны, не считаясь с потерями (достаточно вспомнить последствия Ливонской войны или войн Петра I).

Завершая данный сюжет, стоит обратить внимание на два обстоятельства. Гражданская война (1918–1922 гг.) воспроизвела военную форму этого противостояния: Польша и балтийские страны добились независимости от возрожденной под вывеской социализма матрицы Московии, которую можно назвать первой версией традиционного общества современного типа (ТОСТ – 1.0)⁶. Между двумя Мировыми войнами западная граница Советской России не столь уж далеко выдвигалась за пределы восточной границы ВКЛ. И в период распада СССР Литва (сохранившая, в отличие от Беларуси, свое коренное население) выступила в авангарде движения за отделение от государства с доминирующей потестарной культурой. Польша же произвела это отделение чуть ранее и тоже была самой сопротивляющейся этой культуре страной в так называемом социалистическом лагере.

Зависимость от траектории предшествующего развития (*path dependence*) проявилась здесь достаточно ярко. Однако не менее (если не более) ярко показала она себя и для противоположной стороны: современная Россия превратилась во вторую версию традиционного общества современного типа (ТОСТ-2.0). И тут же возобновила извечную борьбу с Западом.

Вторая реинкарнация матрицы Московии

Итак, в ТОСТ-2.0 можно выделить шесть базовых качеств (ее институциональное ядро), которые в самых глубинных своих свойствах произрастают из Московии (см. Хедлунд 2015; Hedlund 2006; Пелипенко 2013; Пелипенко 2015)).

⁵ Великое княжество Литовское (ВКЛ) в основе своей было славянским государством, сумевшим нанести чувствительные поражения военным силам Орды, объединить вокруг себя ряд княжеств бывшей Киевской Руси и отстоять свою независимость.

⁶ О социализме как возрожденной архаике пишет американский либертарианец Б. Линдси, называя его движением “назад в будущее”, которое “обещало все достижения науки и техники через возврат к архаическим социальным ценностям” [Линдси 2006, с. 47]. См. также современного российского философа В. Кантора: “Тоталитаризм есть реакция традиционного общества на технологическую цивилизацию с использованием всех приобретений этой цивилизации для воскрешения прошлого” [Кантор 2007, с. 100].

Первое качество институционального ядра — *самовластие*. Источник власти в русском социуме — естественно, не суверенные граждане, а суверенные властители (сама себя творящая власть). Мандат же последним на монопольное правление дает некая внешняя инстанция. В базовой ментальной модели социума утвердилось представление о власти как о мистическом посреднике по отношению к неким высшим началам: в этом плане можно даже говорить о “сакральности” власти как таковой⁷.

Вторая важнейшая составляющая институционального ядра — *имперство*, вытекающее из базовой (“корневой и самоценной”) идеи Русской матрицы — господства. Отсюда происходит “идеократический проект установления должного мирового порядка в форме безраздельного господства везде, где только можно. В идеале — на всей Земле” [Пелипенко 2013]. Результатом появления ТОСТ-1.0 стал выход идеи господства за географические границы страны, оно стало стремиться к глобальности (к мировой революции под знаменами III Интернационала и т.п.). В конце XX—начале XXI в. ТОСТ пережило серьезную мутацию, представленную, в первую очередь, превращением командных экономик в административно управляемые рынки. ТОСТ-1.0 обрело новые качества и превратилось в ТОСТ-2.0, после чего возобновило широкое наступление на модернизированный мир, который за последние два десятка лет трансформировался в постиндустриальное общество (общество постмодерна) со всеми его плюсами и минусами.

Одной из наиболее острых форм такого противостояния в Европе оказалась российская экспансия в Украину. Понять глубинный смысл этой интервенции можно только через рассмотрение ее в контексте институциональной конкуренции двух систем. В сущности, это продолжение конфликта Московии с ВКЛ. Для России утверждение западных (правовых) институтов на огромной сопредельной территории бывшей Советской империи оказалось бы с большой вероятностью предпосылкой подрыва ее собственной институциональной идентичности, которую она обозначает в повседневном дискурсе как “суверенитет”. Отсюда сам факт наличия потенциальной возможности такой трансформации соседа воспринимается как экзистенциальная угроза. Россия атакует Запад не потому, что она что-то с ним не поделила (хотя как сопутствующее обстоятельство и такой конфликт может иметь место), а просто потому, что он — Запад. Борьба двух систем как институциональных антагонистов никуда не делась, не осталась в прошлом, как ошибочно считали в 1990-е гг.; просто понадобилось некоторое время на переформатирование из ТОСТ-1.0 в ТОСТ-2.0. В массовом сознании (ментальной матрице) россиян идеология великодержавности, пережив кризис в 1990-е гг., в полной мере вернулась на свое прежнее место. Комплекс сверхценности собственного социального порядка, который не только не стыдно, но и почетно насильственно вменять другим народам и странам, снова стал одной из ведущих доминант в российском менталитете.

Центральное место власти в российском социуме обуславливает и третью базовую черту российского институционального порядка: *власть-собственность* (или *властесобственность*).

В 1990-е гг. в разгар реализации программ приватизации казалось, что власть-собственность — уже экономическая история России, а не ее настоящее и уж, тем более, не ее будущее. Последующее десятилетие показало, что это не так. В настоящее время власть-собственность утвердилось снова и ее формы очень напоминают деление на поместья и вотчины в Московии. Поместья — это государственная собственность и некое ее подобие (государственные корпорации), отданная в управление менеджерам (как правило, входящим в правящую клику или близким к ней). В этом случае перед нами условная собственность (“условное держание”), хотя операционные возможности этих менеджеров несравненно больше по сравнению с социализмом (не говоря уже о доходах). В то же время формальные частные собственники (современные вотчинники) — также

⁷ Речь идет о сакральности власти как принципа, идеала, что, конечно же, далеко не всегда тождественно сакральности той или иной реальной власти и тем более ее представителей.

условные держатели, сохраняющие себя как квазичастные собственники лишь благодаря исполнению роли порученцев государства как верховного собственника.

Четвертым качеством институционального ядра России назовем *деавтономизацию личности* — уничтожение человека как суверенной личности через принадлежность его верховному началу. Пока не возрожден служебный (принудительный) труд как универсальная система, но деавтономизация личности всю проявилась в неспособности человека оградить себя от произвольного обращения с ним властей (недопущения необоснованного уголовного преследования, ареста и т.п.).

Исследователи феномена “власть-собственность” обычно упускают из вида следующее его свойство: в нем подчинение агента принципалу обеспечивается снятием личной неприкосновенности с первого. Агент должен быть незащищен от насилия и произвола со стороны власть имущих, для этого необходимость нарушения прописанных в законах правил вытекает из самой текущей практики экономической деятельности. Это создает для предпринимателя ситуацию постоянной уязвимости, а такое состояние обеспечивает управляемость юридически независимого собственника и теневое участие в его доходах. Поэтому предприниматель фактически перестает быть свободной личностью.

Вторая реинкарнация матрицы Московии сохранила и такое институциональное качество российского общества, как *сословную структуру* (см. [Кордонский 2008]), пришедшую на смену сословности социалистической эпохи. В настоящее время (и это не большой секрет) наиболее привилегированное сословие в России — силовая бюрократия, ставшая главным теневым хозяином бизнес-активов и бенефициаром распределения *административной ренты*. Последняя неразрывно связана с сословностью и составляет шестой системообразующий признак институционального ядра современной России.

Почему бы не заменить термин “административная рента” на более тривиальный — “коррупция”? Однако такая замена означала бы механистическое наложение понятия, свойственного только правовой цивилизации, на потестарную. Там, где публичное и частное, власть и собственность не разделены, где верховное право собственности принадлежит государству, коррупции нет. Ибо она, как правильно пишет А. Оболюнский, есть “**злоупотребление публичной властью ради частной выгоды**” [Оболюнский 2016, с. 108]. Но что делать, если *публичная* власть отсутствует? Если власть (см. первое качество матрицы Московии) не есть делегированные суверенными личностями полномочия, а некая трансцендентальная сила, имеющая своим источником не ограничивающий ее общественный договор, а что-то вроде “мандата неба”. Если ей принадлежит все, то может ли она воровать у самой себя?

Подчеркну, что это не оправдание, а простое беспристрастное описание реальности. Возмущающиеся тотальной “коррупцией” в российском социуме не видят того, что в системе его неформальных институтов она является *нормой*, в отличие от формальных предписаний, содержащихся в текстах законов. Поэтому в России “вопреки формальному закону, запрещено и наказуемо не взяточничество как таковое, а нарушение фактически сложившегося института, иерархического порядка взяточничества” [Четвернин, Яковлев 2009, с. 2].

Международные организации находятся в плену “коррупционной парадигмы”, предлагая для всех одинаковые рецепты антикоррупционных действий по модели универалистских обществ. В то же время коррупция — не ситуация, а ее интерпретация в конкретно-историческом аспекте. Нельзя, например, практику кормления называть коррупцией, пользуясь модернистским языком [Барсукова, Леденева 2014].

Реальность и благие пожелания

Реформаторы 1990-х полагали, что российское общество можно трансформировать в систему, построенную на рыночной экономике и демократическом правлении. Также считали и разделяющие их реформаторские устремления обществоведы, да

и все те, кто просто “устали” от социализма и хотел жить в “европейской России”. Однако “евроремонт” не удался.

Возникает вопрос: способна ли постаршая цивилизация этой матрицы трансформироваться в правовую эволюционным путем? Такие воззрения существуют до сих пор, несмотря на реставрацию институтов первой в облике ГОСТ-2.0. Так, продолжают предлагаться программы на будущее: группа экспертов под руководством А. Кудрина весной 2017 г. завершила проект Стратегии модернизации общественных институтов и экономики. Социальная инженерия такого рода не учитывает принципиальную вещь: главные особенности социума закреплены в его неформальных институтах, которые реагируют на экзогенные воздействия не совсем так (а чаще, и совсем не так), как задумывают те, кто привержены “пагубной самонадеянности” изменить их природу на основе внедрения кабинетных программ. И дело здесь не только в сопротивлении тех или иных групп интересов. Главное препятствие заключается в невозможности заменить состав институционального ядра, сложенный из неформальных социальных норм и воплощающий в себе укоренившиеся стереотипы общественного сознания (ментальные модели). Всякий раз после потрясений они восстанавливаются, меняясь в чем-то второстепенном, но не приемля угрожающие их сути трансформации.

Матрице Московии присуща особо сильная тяга к архаике, к подавлению свободы и свободного развития. Отсюда – постоянный поиск путей преодоления технического отставания от Запада на путях самобытности в виде различных форм организации государственного принуждения. Более же всего ее самосохранение обеспечивает постоянная тяга к экспансии, к репродуцированию себя в окружающем мире, оправданная убеждением в собственном социальном и моральном превосходстве. Она поглощает огромные ресурсы и воспроизводит соответствующие социальный порядок и культуру.

Появление понятия “культура” заставляет хотя бы очень кратко заявить позицию, отличную от той, которую развивает В. Тамбовцев в полемике с так называемым культурным детерминизмом [Тамбовцев 2015]. Вспомним Д. Норта, писавшего, что культура есть “межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей” [Норт 2010, с. 81]⁸. А. А. Алесина и П. Джулиано отмечают, что “в теории Норта формальные правила создаются государством, а неформальные нормы – это часть наследия, именуемого культурой”. Они также понимают под культурой “ценности и убеждения (можно сказать, неформальные правила), а под институтами – формальные институты” [Алесина, Джулиано 2016, с. 87]. Далее понятие “культура” используется ими вместо термина “неформальные институты”.

Такой подход значительно упрощает понимание многих вопросов. Зависимость от траектории исторического пути теперь можно объяснить как результат межпоколенческого ретрансляции неформальных институтов в качестве культурных ценностей, убеждений и кодов поведения. Культура включает в себя ментальность, которая демонстрирует устойчивость в историческом времени и тем самым порождает связь времен. А. Давыдов именно ее делал ответственной за передачу традиций из поколения в поколение (при этом под социальными институтами он, очевидно, имел в виду формальные институты) [Куда ведет... 2011, с. 179]. Для этой передачи, естественно, должны на месте веками сохраняться люди – носители этой ментальности. Русские деспоты это хорошо понимали, осуществляя депортации (“выводы”) людей из Великого Новгорода, Пскова, а потом и из ВКЛ. Это способствовало разрушению правовой культуры.

Одно из подтверждений детерминирующей роли культуры по отношению к формальным институтам – разные пути стран после распада СССР. Беларусь, где коренное население сильно поубавилось в ходе репрессий и войн, а также в значительной мере было разбавлено русскими с востока, не смогла выбрать путь построения правового общества, хотя и являлась в прежние века центральной территорией ВКЛ. В то же время современные литовцы пострадали куда меньше, компактно сохранились на своей

⁸Подробнее о трактовке Д. Норта культуры см. [Заостровцев 2014].

территории и, как результат, сумели воспроизвести в современном виде правовые традиции ВКЛ, хотя во времена его существования не составляли в нем большинства.

В России же культура и отвечающая ей ментальность оставляют мало шансов на трансформацию в правовое общество. Политическая культура населения, как и склонность к поддержанию демократических ценностей, предельно низка. По данным опроса, проведенного в 2015 г. немецким Фондом имени Ф. Науманна при поддержке “Левада-Центра”, больше половины жителей России не считали для себя важными такие европейские ценности, как свобода, демократия, правовая государственность и соблюдение прав человека. По-настоящему важными их называли только 8% россиян. “Скорее всего, — пришли к выводу авторы исследования, — именно эта доля населения России разделяет моральные нормы и ценности гражданского общества и правового государства” (цит. по [Жолквер 2015]). Это люди, которые в рамках ТОСТ-2.0 принадлежат к антагонистической ему ментальной модели, разделяют ценности альтернативной политической культуры — культуры правовых обществ. Их доля весьма незначительна (примерно такой процент набирают на общероссийских выборах в совокупности демократические партии и кандидаты после очистки результатов от фальсификаций). И, по всей видимости, это не то меньшинство, которое в состоянии вывернуть наизнанку мир российской архаики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алесина А., Джулиано П. (2016) Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики. № 10. С. 82—111.

Барсукова С., Леденева А. (2014) От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // Вопросы экономики. № 2. С. 118—132.

Дойч Ф., Вухерпфеннинг Ю. (2012) Модернизация и демократия: пересматривая теории и факты (<http://gefter.ru/archive/6924>).

Жолквер Н. (2015) Опрос: Почему россияне не любят прибалтов, но завидуют им? (<http://p.dw.com/p/1HREn>).

Заостровцев А. П. (2014) Дуглас Норт о культуре и историческом развитии // Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных наук и искусств СПбГУ. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара. С. 195—217.

Кантор В. (2007) Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН.

Кордонский С. Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”.

Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов (2011) Под ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство.

Линдси Б. (2006) Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс.

Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ—ВШЕ.

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. (2016) Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.

Оболонский А. В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.

Пелипенко А. (2015) Проклятие Русской матрицы (<http://apelipenko.ru/Наука/Статьи/Статьи-оРоссии/ПроклятиеРусскойматрицы.aspx>).

Пелипенко А. (2013) Судьба русской матрицы (<https://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>).

Тамбовцев В. (2015) Миф о “культурном коде” в экономических исследованиях // Вопросы экономики. № 12. С. 85—106.

Травин Д. (2015) Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д., Маргания О. (2004) Европейская модернизация. В 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.

Хедлунд С. (2015) Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Четвернин В. А. (2014) Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-история. С. 161–205.

Четвернин В. А., Яковлев А. В. (2009) Институциональная теория права. М.: НИУ ВШЭ.

Шкаратан О. И. (2015) Россия как европейская цивилизация // Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала “Мир России”. С. 12–65.

Coyne C. J., Boettke P. J. (2006) The role of economist in economic development // *Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 47–68.

Hedlund S. (2006) Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // *Euro-Asia Studies*. Vol. 58. No. 5. P. 781–785.

Matrix of Muscovy and Its Reincarnation: How Reality Refutes the Good Wishes

A. ZAOSTROVTSEV*

* **Zaostrovtssev Andrey** — professor, Department of Public Administration, National Research University “Higher School of Economics”; Senior Researcher, International Center for Social and Economic Research “Leontief Centre”, St. Petersburg. Address: 17 Promyshlennaya st., St. Petersburg, Russia. 198099. E-mail: azaostrovtssev@hse.ru

Abstract

The article examines the main characteristics of the institutional structure of Russia: its historical origin and modern features. The attention is drawn to two opposite approaches: Russia is moving in the general stream of modernization, or it is going along a special path opposing the institutions of rule of law. The clashes between Moscovia and the Great Duchy of Lithuania in the past were interpreted as a confrontation between two incompatible civilization: the Asian (state) mode of production and the law-based society. Six main qualities of the presence institutional core (the matrix of Muscovy) are singled out along with the role of culture as an informal institution and its decisive influence on the development and the countries prospects.

Keywords: Matrix of Moscovia, institutional core, law-based culture, potestary culture, mental models, traditional society of the modern type, *samovlastie* (authoritarianism), power-property, service state, estate society, administrative rent.

REFERENCES

Alesina A., Dzhuliano P. (2016) Kul'tura i instituty. Chast I. [Culture and institutions. Part I]. *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 82–111.

Barsukova S., Ledeneva A. (2014) Ot globalnoi korruptsionnoi paradigmy k izucheniyu neformalnykh praktik: razlichie v podkhodakh outsiderov i insiderov [From the global corruption paradigm to the study of informal practices: The difference in the approaches of outsiders and insiders]. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 118–132.

Chetvernin V. A. (2014) Ponyatie prava: konkuriruyushchie paradigmy [Concepts of law: competing paradigms]. *Kapitalizm i svoboda: sbornik statei* [Capitalism and freedom: collection of articles]. St.-Petersburg: Nestor-istoriya, pp. 161–205.

Chetvernin V. A., Yakovlev A. V. (2009) *Institutsionalnaya teoriya prav sobstvennosti* [Institutional theory of property rights]. Moscow: NIU VShE.

Coyne C. J., Boettke P. J. (2006) The role of economist in economic development. *Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 9, no. 2, pp. 47–68.

Doich F., Wuherpfenning Yu. (2012) *Modernizatsiya i demokratiya: peresmatrivaya teorii i fakty* [Modernization and democracy: revising theories and facts]. (<http://gefter.ru/archive/6924>).

- Hedlund S. (2015) *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo provala* [Invisible hands, Russian experience and social science. Approaches to understanding systemic failures]. Moscow: GU—HSE.
- Hedlund S. (2006) Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State. *Euro-Asia Studies*, vol. 58, no. 5, pp. 781—785.
- Kantor V. (2007) *Mezhdru proizvolom i svobodoi. K voprosu o russkoi mentalnosti* [Between arbitrariness and freedom. To the question of the Russian mentality]. Moscow: ROSSPEN.
- Kordonskii S. G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [Estate structure of post-soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
- Kuda vedet krizis kultury? Opyt mezhdistsiplinarnykh dialogov* (2011) [Where does the crisis of culture lead? Experience of interdisciplinary dialogues]. I. M. Klyamkin (ed.). Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Lindi B. (2006) *Globalizatsiya: povtorenie proidennogo. Neopredelennoe budushchee global'nogo kapitalizma* [Globalization: the repetition of the past. The uncertain future of global capitalism]. Moscow: Alpina Bizness Buks.
- North D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the process of economic changes]. Moscow: GU—HSE.
- Nureev R. M., Latov Yu. V. (2016) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsionalnogo analiza)* [The economic history of Russia (the experience of institutional analysis)]. Moscow: KNORUS.
- Obolonskii A. V. (2016) *Etika publichnoi sfery i realii politicheskoi zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Mysl'.
- Pelipenko A. (2015) *Proklyatie Russkoi matritsy* [The curse of the Russian matrix] (<http://apelipenko.ru/Наука/Статьи/СтатьиоРоссии/ПроклятьеРусскойматрицы.aspx>).
- Pelipenko A. (2013) *Sudba Russkoi matritsy* [The fate of the Russian matrix]. (<https://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>).
- Shkaratan O. I. (2015) Rossiya kak evraziiskaya tsivilizatsiya [Russia as a Eurasian civilization]. *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy dlya razmyshleniya* [Russia as a civilization: materials for reflection]. Moscow: Redaktsiya jurnala “MirRosii”, pp. 12—65.
- Tambovtsev V. (2015) Mif o “kul'turnom kode” v ekonomicheskikh issledovaniakh [The Myth of the “Culture Code” in Economic Research]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 85—106.
- Travin D. (2015) *Krutye gorki XXI veka: postmodernizatsiya i problem Rossii* [Steep slides of the XXI century: post-modernization and the problems of Russia]. St.-Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Travin D., Marganiya O. (2004) *Evropeiskaya modernizatsiya; V 2 kn. Kn. 1.* [European Modernization: In 2 v. V.1]. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica.
- Zaostrovtshev A. P. (2014) Duglas Nort o culture i istoricheskom razvitii [Douglas North on culture and historical development]. *Almanakh Tsentra issledovaniy ekonomicheskoi kultury fakulteta svobodnykh nauk i isskusstv SPbGU*. [Almanach of the Center for Economic Research of the Faculty of Liberal Sciences and Arts of St.-Petersburg State University]. Moscow—St.-Petersburg: Izdatelstvo Instituta Gaidara, pp. 195—217.